

Рос. музыкальная газета - 2003 - март (№3) - с. 7

053

ГЕННАДИЙ РОЖДЕСТВЕНСКИЙ: «ПРОКОФЬЕВ БЫЛ СВЕРХГЕНИАЛЕН...»

Чтобы провести концерт, посвященный 50-летию со дня смерти великого композитора - Сергея Сергеевича Прокофьева (в Концертном центре Павла Слободкина на Старом Арбате) в Москву из Стокгольма прилетел Геннадий Николаевич Рождественский. Он выступил вместе со своей супругой - пианисткой Викторией Постниковой (они сыграли в четыре руки «Вальсы» Шуберта-Прокофьева - произведение, говорящее о «корнях» прокофьевского стиля - вот откуда вышла Классическая симфония!), с сыном-скрипачом Александром, блестяще исполнившем Первую скрипичную сонату, квартетом им. Шостаковича («Увертюра на еврейские темы»), флейтисткой Марией Волковой (Соната для флейты и фортепиано) и сопрано Виталией Блинструбите (Австрия), проникновенно спевшей цикл «Пять стихотворений Анны Ахматовой».

Перед концертом нам удалось взять у маэстро небольшое интервью.

— Геннадий Николаевич, вам довелось встречать Прокофьева? Как он выглядел?

— Я видел его, честно говоря,

всего два раза. Первый раз - в Большом зале консерватории, весной 1945 года - он дирижировал премьерой своей Пятой симфонии. Символично, что во время ее звучания в зал донеслись залпы салюта - отмечалась одна из последних побед Красной Армии. Раскаты артиллерийской пальбы причудливо смешались с торжественными звучаниями симфонии, посвященной Победе. Прокофьев дирижировал просто и логично. Он не был великим дирижером - его педагог Черепнин сказал ему когда-то: «Как композитору вам придется часто самому дирижировать своими сочинениями, поэтому я буду вас учить...» По только что изданным в Париже дневникам (1907-1928) видно, что дирижерское дело давалось Прокофьеву нелегко. Он учил свои партитуры, часто говорил - вот опять промахнулся, оркестру было трудно играть со мной... По-видимому таких данных, какие у него были для игры на фортепиано, в дирижировании он не имел. Впрочем, мне в 1945 году было всего 14 лет; что я тогда понимал... Потом мы встретились на ули-

це Горького. Был ясный весенний день. Я жил тогда на 3-й Миусской, стоял на остановке и ждал свой 12-й троллейбус. И вдруг увидел, что люди вокруг почему-то оборачиваются и смотрят на кого-то; я тоже обернулся. Оказывается, глядели на необычного прохожего - высокого, красивого, в черной шляпе с широкими полями, напоминающей сомбреро, и в коротком модном пальто («труакар»), державшем в руках ярко-желтые кожаные перчатки, которыми он ритмично помахивал, не обращая на зевак ни малейшего внимания. Это был Прокофьев. Я думаю, что в тот момент он что-то сочинял... А в третий раз я увидел его уже мертвым. О кончине я услышал от знакомых по телефону. В консерватории нашлось несколько человек, которые решили пройти в проезд МХАТа (ныне Камергерский) - поклониться великому праху. Помню, что в этой группе был композитор Карен Хачатурян и пианист Лазарь Берман. Но пройти туда было почти невозможно - весь центр был оцеплен. Нам всё же удалось уговорить какого-то лейтенанта - он нас

пропустил на другую сторону улицы Горького. Прокофьев лежал на тахте в маленькой комнате. Рядом - этажерка с нотами (он работал над балетом «Каменный цветок» - балетмейстер Лавровский требовал то сокращений, то дописок) и полка с пластинками на 78 оборотов (помнится, фирмы RCA) - с записями его произведений. Траурная церемония должна была пройти на следующий день в Союзе композиторов на Миусах. Но шла многотысячная толпа, стремившаяся попасть в Колонный зал, и подогнать автобус к дому оказалось невозможным. К тому же, улица Горького была через каждые метров двести перекрыта заслонами из военных грузовиков. Тогда гроб с телом композитора понесли на руках шестеро студентов-добровольцев, молодых композиторов. Два километра они прошли за пять часов, иногда опуская свою печальную ношу на мерзлый тротуар, чтобы отдохнуть. Потом была траурная церемония, на которой Шапорин сказал, что Прокофьев был «почти гениален...» Сегодня мы знаем, что не «почти» - а сверхгениален!

— Геннадий Николаевич, вы ведь один из самых активных пропагандистов творчества Прокофьева...

— Я продирижировал и записал все его произведения - симфонии, оперы, оратории, сюиты, театральную музыку. За исключением оперы «Огненный ангел» - лишь однажды довелось дирижировать её фрагментами. Все же продолжаю мечтать продирижировать «Ангелом» в театре. Познакомившись недавно с «Геликоном» и подружившись с его замечательным режиссером Дмитрием Бертманом, надеюсь сделать это именно в этом театре. У меня есть своя концепция спектакля, которая базируется на двух параллельных планах: первый план - это герои оперы - как они даны в романе Брюсова; второй - отношения Андрея Белого, Валерия Брюсова и Нины Петровской, реальных прототипов этого романа. Впрочем, если Бертман не согласится с моей идеей - все равно буду дирижировать в его театре.

Интервью взял
Петр Аркадьев

Прокофьев С С
123/03.03
1 мая 07